

тата галак

союз трёх девиц
и тайна крови

Тата Галак

Союз трёх девиц и тайна крови

«Автор»

2026

Галак Т.

Союз трёх девиц и тайна крови / Т. Галак — «Автор», 2026

Третья книга фэнтези-цикла "Союз трёх девиц". Когда-то нескладная Лиза, красавица Матильда и умница Поля поклялись друг другу на крови и нет такой проблемы, что оказалась бы им не по плечу. Но тайна крови снова зовёт в опасные приключения. К счастью, девушки не обязаны справляться в одиночку: у них есть сильные союзники, и некоторые из них раньше были врагами. Тьма внутри Лизы требует жатвы и привлекает чудовищ. Бравый атаман, к которому тянется сердце, болен и жалок. Но ей предлагают богатство и власть. Матильда, наконец-то влюблена и счастлива, а Поля увязла в любовном треугольнике. Читайте "Союз трёх девиц и тайна крови" - лёгкое увлекательное фэнтези о приключениях в Российской империи конца 19 века.

© Галак Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Весна 1898 г. Москва.	6
Глава 1. Что скрывает вода. Весна 1898 г. Лесная избушка около города Полевского.	7
Глава 2. Старые имена, новые лица. Весна 1898 года. Москва.	11
Глава 3. Красная лента. Весна 1898 года. Лесная избушка вблизи города Полевского.	16
Глава 4. Тонкий аромат беды. Весна 1898 года. Москва.	20
Глава 5. След женщины в чёрном. Весна 1898 год. Лесная избушка	24
Глава 6. Душа и плоть. Весна 1898 г. Москва.	28
Глава 7. Метаморфозы Кати	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Союз трёх девиц и тайна крови

Глава

Название: Союз трёх девиц и тайна крови

Автор(-ы): Тата Галак

Пролог. Весна 1898 г. Москва.

Мартовский снег лёг на город тяжёлой пеленой, будто вознамерился укрыть от холода то, что проснулось столь рано. Ночь. Молчаливые улицы. А в большом доме на Тишинке светится одно-единственное окно.

Богато убранная гостиная удушливо пахла сиренью. Слишком резко для позднего часа. На столике мерцала свеча в затейливом бронзовом подсвечнике. В углах комнаты колыхалась тьма. Выжидала.

У камина, в низком кресле, расположилась Екатерина. Чёрное платье с золотой отделкой подчёркивало её безупречную фигуру и бледность лица. Она смотрела на огонь, наблюдая, как языки пламени лениво облизывают поленья, пожирая их без остатка.

— Вы слишком довольны, — произнесла она наконец, не оборачиваясь. Голос был ровен, но в нём сквозило раздражение. — А ведь бес ещё не вошёл в полную силу.

— Он именно там, где ему надлежит быть, — мягко прозвучало из темноты комнаты. — Это куда важнее.

В кресле у окна сидел мужчина. Лица его нельзя было разглядеть. Лишь смутный силуэт да уверенный голос.

— Что Вам до этой Лизы, Господин? — осведомилась Екатерина с пренебрежением. — Она же... никто.

— Ты заблуждаешься, — бесстрастно возразил он. — Её мать, графиня Верейская, занимала не последнее место в гильдии.

Екатерина скривилась, словно разжевала ломтик лимона.

— Вы всё твердите об этой гильдии... Но Время дочерей уничтожено. Их нет. Вы же сами...

— Их немного, — резко перебил её собеседник. — Но они существуют. Даже одной искры достаточно, чтобы вспыхнул свет. А свет заразителен!

Он поднялся. Тьма, ожидающая этого момента, пришла в движение и облекла его, словно плащ сотканный из мрака. Не приближаясь к столику, он протянул руку и пламя свечи испуганно дрогнуло.

— Я не спорю, Господин, — пробормотала Екатерина, опуская взгляд. — Я лишь хочу понять, отчего Вы столь... одержимы ими.

Недобрый подошёл ближе.

— Потому что добро сильнее зла, — процедил он, наклонившись к ней. — Даже когда его меньше. Даже если оно умирает. Я желаю, чтобы от него ничего не осталось. Ни следа. Ни имени. Ни отзвука в памяти.

— И Вы думаете, что девчонка поможет в этом?

— Уже помогает, — усмехнулся тот, кого называли Господином. — Там уже открылся разлом и чудовища из Нави проникают в Явь. А рядом с нею те, кто удерживает равновесие. Эта уцелевшая выскочка и жалкий маг, вообразивший себя Хозяином леса. Девчонка разрушит этот союз изнутри.

— Как изящно Вы всё устроили, — осмелилась польстить Екатерина. — Они же, разумеется, считают, что она оказалась там случайно

Недобрый усмехнулся и похлопал её по щеке узкой ладонью, обтянутой чёрной перчаткой. Лицо его по-прежнему скрывалось во тьме.

— Добро верит в случай, — надменно произнёс он. — А зло предпочитает расчёт.

Глава 1. Что скрывает вода. Весна 1898 г. Лесная избушка около города Полевского.

— А если она умерла?.. — шёпотом произнесла Лиза, не поднимая глаз на подруг.

Матильда замерла, так и не доведя руку до уха волчка. Пальцы зависли в воздухе. Она внимательно посмотрела на Лизу:

— Кто?..

— Графиня Верейская. Моя... мать, — Лиза уставилась на пар, поднимавшийся из чашки. — Вдруг она скончалась много лет назад, и потому...

— ...и потому не забрала тебя? — мягко подсказала Поля. — Тогда будем искать её могилу. Кровь действует и после смерти. Так сказала Магистриса. Значит, нам нужно найти её. Живую или...

Она не договорила, но произнесённое слово повисло между ними, тяжёлое и холодное. Лиза плотнее закуталась в шаль и продолжила:

— Я совсем её не помню. В видении она была молодой, красивой... А теперь ведь всё иначе. Годы, возможно болезни... И шар не поможет. Он не работает без образа. Нужно представить либо место, либо человека. А я не смогу... не за что зацепиться.

В печи негромко потрескивали сосновые поленья, время от времени щелкая загоревшейся смолой. Кошка Микстура спрыгнула с подоконника и, важно задрав хвост, прошлась по комнате, будто проверяя, всё ли на своих местах.

— Да, в таком случае шар бесполезен, — задумчиво протянула Матильда. — Значит, придётся искать иначе. Вопрос только — как?

— Может быть, в газетах? — предложила Поля. — У Магистрисы их множество, в чулане. Она читает старые выпуски, чтобы понимать, что происходило в то время, пока у неё была... потеря памяти.

Матильда резко подняла брови.

— Да ты что?! — изумилась она. — Знахарка теряла память? Никогда бы не подумала. Она ведь кажется такой... безупречной.

— Да-а-а... — мечтательно протянула Поля. — Магистриса идеальна. Я бы многое отдала, чтобы быть хоть немного похожей на неё.

— Но мы отвлеклись, — заметила Матильда, возвращая разговор в прежнее русло. — Газеты — мысль дельная. Там можно отыскать что угодно. Светская хроника любит подобное...

И она заголосила, стараясь передать интонации мальчишки-газетчика:

— Срочная новость! Только в нашей газете! Таинственное происшествие! Графиня Верейская вышла в свет в сопровождении загадочной малютки! Ожидайте подробностей!

Поля рассмеялась, а Лиза смогла лишь слабо улыбнуться:

— Спасибо вам. Одна бы я не справилась.

— Пустяки, справилась бы, — отмахнулась Матильда. — Просто вышло бы дольше и куда как тоскливее. А с нами быстрее. И, по крайней мере, не так уныло.

Поля кивнула. Она занималась тем, что аккуратно перекладывала травы в полотняные мешочки, которые потом завязывала бечёвкой и развешивала на стенах избушки.

— Я у Магистрисы попрошу тот обряд... с чашкой воды, — сказала Поля после короткой паузы. — Помнишь, Мати, как ты тогда Лизу увидела?

— Ладно, — поспешно согласилась Матильда и тут же отвернулась, будто её внезапно заинтересовала лавка у стены. В памяти всплыло видение того поцелуя, между Лизой и Бирюком, который в прошлый раз показала вода. — Я в чулан, за газетами.

Волчок, дремавший у её ног, поднял голову, широко зевнул, демонстрируя розовые дёсны и крепкие зубы, нехотя поднялся и поплёлся следом, задевая хвостом лавку, стулья, а потом дверной косяк.

Кошка Микстура, напротив, вспрыгнула на подоконник, потянулась и, сев копилкой, застыла, вглядываясь во что-то, только ей видимое, за окошком.

Из-за печи донёсся хрипловатый голос знахарки:

— Будет вам обряд. После обеда...

В печи томила гречневая каша, медленно доходя до нужной мягкости. По избе плыл аппетитный дух тмина и сушёных грибов. Поля разливала похлёбку в тяжёлые глиняные миски, осторожно, чтобы не расплескать ни капли. Сваренная на подберёзовиках, с крапивой, щавелем и кореньями, она была лёгкой, но сытной, не отягощала желудок и согревала изнутри.

Размахивающая половником, Поля вдруг вспомнила разносолы от Павла и на лицо её набежала мимолётная тень.

Он прожил в лесной избушке осень и зиму, взяв хозяйство в свои умелые руки, будто так и было заведено испокон веку. Наладил житьё-бытьё, раздобыл перины, тёплую одежду. Он же сообразил плотные домотканые занавески, чтобы на ночь разгораживать избу и позволить каждому свой уединённый закуток.

Но больше всего в Полиной памяти удержался его весёлый, неунывающий нрав. Румяный выдумщик превращал каждый ужин в маленький спектакль. Котлеты из лука он объявлял «биточками а-ля русс», запечённую картошку величал «гратеном дофинуа», а самые обыкновенные щи — «супчиком с грибами да кнедликами картофельными». И от этих слов пища казалась вкуснее, а вечера — уютнее.

Даже студёная уральская зима с Павлом оказалась не такой суровой и долгой. Вспоминая то время, Поля вдруг ясно поняла, что обидела его. И практически выгнала из своей жизни.

— Quod habet, non numerat, — грустно прошептала Поля. — Что имеем, того не считаем.

— Эх... — Фокусник откинулся на спинку лавки и с тоской уставился в миску. — Сейчас бы кусман мяса. Не философски, а конкретно. Шоб лежало и не мычало. А не эта зелёная... баланда.

Он вздохнул и снова принялся орудовать ложкой, не переставая болтать:

— Я, конечно, извиняюсь, это не обэд, а так... вступительное слово... пролог, можно сказать... прелюдия к гастрономической трагедии. Где ж та полевская колбаса, я вас умоляю? Она ж была! Или она мне почудилась, как первая любовь?

— Щи и каша — пища наша, — сухо заметила Матильда.

— Та я ж не спорю! — тут же подхватил Фокусник. — Щи — это святое. Но шоб вы понимали, один знакомый поц с Молдаванки говорил, шо если повар с головой, он и из редьки вам плов сделает.

— Из редьки? — фыркнула Матильда. — Это совершенно impossible. Хотя... я как-то ела в «Эрмитаже» faux risotto, с красной чечевицей и миндалём. Тамошний шеф-повар решил потрафить гостям в постную неделю. Вышло недурственно... Но très cher, неприлично дорого.

— Вот! — Фокусник победно ткнул ложкой в воздух. — Я ж говорю — культура! Высокая кухня!

Он приосанился, картинно расправил плечи и продолжил кривляться:

— Весьма приятно, мадемуазель, что вы не держите меня за шаромыжника, как мадам, и поддерживаете со мной высокую гастрономическую беседу.

Скорчив потешную гримасу, он зыркнул на знахарку.

— Паяц, — покачала головой та.

— Та я знаю, — согласился Фокусник. — Меня за это и держат.

— Я даже не знаю, где у мушкетёры шаромыжник, — пробормотала Матильда.

Фокусник приснул супом, знахарка нахмурилась, а Поля с Лизой только хлопали ресницами, не поняв шутки.

— Эта похлёбка не просто еда, — поспешила заметить Поля, желая избавиться от неловкости. — Это... оздоровительный настой! Щавель содержит много полезного, тмин стимулирует пищеварение. Ну и уртица, крапива то есть, очищает кровь, укрепляет ногти, волосы и в целом оздоравливает организм.

— Организм — это хорошо, — кивнул Фокусник. — Я за организм, как человек культурный. Я просто привык, щоб супчик был смачный.

— А где соль? — спросила Лиза, заглянув в маленький туесок-солонку. — В прошлый раз она была.

— Много соли — вредно, — заявила Поля. — Это же основа любого отёка, опухоли, вздутия...

— ...и хорошего вкуса, — мечтательно протянул Фокусник. — Знавал я одного повара с Ланжерона. Так тот солил от души...

Он осёкся, заметив суровый взгляд травницы, и тут же исправился:

— ...но в меру. А борщ у него, между прочим, был такой смачный, что ложка в кастрюле стояла, как памятник. И мяско...

— А какой сегодня чай, Поличка? — полюбопытствовала Лиза.

После еды она раздумянилась. Болтовня за столом напоминала времена их жизни в гостинице Полевского и заметно подняла настроение. Лиза снова почувствовала себя молодой и беззаботной, если не считать тревожащих мыслей о предстоящем обряде.

— Смесь для гармонии души, — отрапортовала Поля. — Лист бадана, чабрец, душица, цветы ромашки и капля мёда на сосновых шишках.

После обеда, когда всё было убрано, знахарка поставила на стол, перед сидящей Лизой, глубокую, чуть шербатую тарелку, в которой не было ничего таинственного. Налила в неё воды из большой бутылки. Затем поднесла Лизе кружку с тёмным питьём. Та отпила, поморщилась, но выпила до дна. Травяной вкус обжёг язык, пробежал по горлу и осел в желудке, согревая изнутри. Знахарка проследила, чтобы кружку опустошили. Забрала её у Лизы и указала на стол:

— Смотри. Молчи. Не жди многого. Духи ленивы.

Лиза ничего не ответила, лишь в испуге покосилась на подруг. Поля ободряюще ей улыбнулась, а Матильда подмигнула, мол не бойся, мы рядом. Знахарка встала за спиной Лизы. Не касаясь, но близко, так что она ощущала её присутствие. В комнате повисла тишина. Казалось, даже лес за окнами притаился.

Лиза, подавшись вперёд, смотрела в чашку. Губы её чуть приоткрылись и дыхание слегка зыбило поверхность воды. Вначале ничего не происходило. Потом вода потемнела, стала глубже, как если бы тарелка вдруг утратила дно. Лиза ухватила руками за край стола и судорожно вздохнула.

Она увидела женщину. Лица не разобрать, размытое, будто сквозь окно, залитое дождём. Женщина поправила волосы знакомым движением, точно таким же, как делала сама Лиза, заправляя за ухо непослушную прядь.

Хотелось крикнуть, позвать, спросить. Хоть что-нибудь. Но слова застряли в горле. Она вспомнила наказ, сжала зубы до боли и лишь жадно вглядывалась в воду, боясь моргнуть.

Видение стало устойчивее.

Женщина сидела в кресле, слегка склонив голову, и читала книгу. Свет падал сбоку и чуть сверху, скорее всего там было окно. Лицо проявилось яснее. Те же брови, изящный нос, упрямо сжатый рот, как у молодой женщины из их общего видения. Только чуть поплывший овал лица, горизонтальные морщинки на лбу и «гусиные лапки» вокруг глаз — следы прожитых лет.

— Мама... — всё же позвала Лиза.

В тот же миг поверхность подёрнулась рябью, картинка дрогнула, расплылась и вновь стала обычной водой в щербатой тарелке.

Девушка обернулась к знахарке и с мольбой посмотрела на неё.

— Не получится больше, — развела руками та, правильно истолковав взгляд. — Увидела что?

— Это она, — выдохнула Лиза. — Та женщина из видения. Моя мама...

— Ты рассмотрела где она? — спросила Поля.

— Не знаю... Я не успела. Там будто... здание какое-то... дом... большой...

Все молчали и сочувственно смотрели на Лизу.

— Значит, я не смогу к ней попасть с помощью шара, — тихо сказала она. — Я не знаю, куда именно прыгать. Только лицо, но этого, наверное, недостаточно...

— Ещё не вечер, — ободрила Матильда. — Мы только начали. Нам известен титул и фамилия. Михаил обещал разузнать по официальным каналам. Ты же говорила, что приёмный отец называл какую-то деревню?

— Село, — прошептала Лиза. Она боялась расплакаться. — Село Верхнее, неподалёку от уездного городка, где сейчас Никита живёт.

— Вот, — оживилась Матильда. — Туда и надо съездить в первую очередь. Уездный город ты запомнила? Можешь туда перенести нас? Заодно и Никитке в рожу плюну.

— Иди, отдохни, — посоветовала Лизе травница. Потом обернулась к Матильде и пообещала: — Я тебе с собой слабительного настоя дам...

— Тю, какие вы кровожадные! — в притворном ужасе заявил Фокусник.

Лиза кивнула, поднялась. Микстура потёрлась о её ноги, будто подбадривая, и пошла следом. Но отдохнуть им не удалось.

Глава 2. Старые имена, новые лица. Весна 1898 года. Москва.

Утро наполняло московскую квартиру нежным светом весеннего солнца. Большие окна, высокие потолки, наборный паркет с мозаичным узором, изразцовая печь, камин и изящная мебель — всё здесь было устроено с мыслями о долгой и спокойной жизни, какую Михаил намеревался прожить рядом с Матильдой. Но, увы, не сложилось...

В комнатах пахло дорогим одеколоном, кофе и сигарами. В отсутствие хозяйки Михаил не считал нужным удаляться в курительную и дымил прямо в гостиной, не заботясь ни о шторах, ни о мебели обивке. Вот и теперь он сидел у камина, с сигарой в зубах, рассеянно глядя в письмо, которое держал в руках.

Царившую тишину изредка нарушал шелест газетных страниц. Это Павел, заглянувший к патрону по делам, читал газету, устроившись в кресле. На журнальном столике перед ним исходила паром чашка кофе, из которой он время от времени отпивал, блаженно жмурясь.

— Ты не спрашивал, — вдруг проговорил Михаил, не поднимая взгляда, — отчего он у нас.

Павел оторвался от чтения, аккуратно сложил газету и отложил её в сторону.

— Вы о Бирюке изволите говорить, Михаил Петрович? — осведомился он. — Я полагал, что вы сами сочтёте нужным рассказать.

Сигара, давно погасшая, отправилась в пепельницу. Михаил поднялся, прошёлся по комнате и остановился у буфета, где стояла серебряная бульотка — пузатый чайничек на высокой подставке со спиртовкой под ним. Небольшое пламя поддерживало тепло. Вещица жила собственной жизнью, маленькое домашнее чудо, созданное для долгих чаепитий.

Михаил налил себе чаю в большую фарфоровую кружку, расписанную дулёвскими розами-агашками. Он уселся в кресло рядом с Павлом и, делая осторожные глотки обжигающе горячего напитка, принялся рассказывать трагическую историю одержимости Лизы и появления разбойника в их ближнем круге.

Павел слушал молча. Он ничего этого прежде не знал. Поля в своих редких письмах подобных вещей не касалась.

Михаил говорил, не глядя на молодого компаньона, и тому невольно пришло в голову, что собеседник скорее убеждает самого себя, что поступил правильно, нежели ищет понимания со стороны.

— Ох... — только и вымолвил Павел, когда рассказ подошёл к концу.

— Именно, — с горечью усмехнулся Михаил.

— И что же теперь? — после неловкого покашливания спросил Павел.

Будь это рассказ иного человека, он бы ни за что не поверил. Но патрон был человеком серьёзным, не склонным к пустым выдумкам.

— Я позволил себе слабость, — с досадой проговорил Михаил, — взять на себя обязательства за этого человека.

— Но он ведь едва не лишил вас жизни..., а Матильду с Лизой хотел... — Павел осёкся и замолчал, не решаясь продолжать.

— Именно Лиза и послужила причиной метаморфозы этого зверя, — тяжело вздохнул Михаил.

Павел помолчал, затем тихо спросил:

— Она его... любит?

Михаил устало взглянул на него.

— Полагает, что да. Там всё непросто. Она верит, будто он изменился. И знахарка придерживается того же мнения.

— А Матильда что же? И... Поля?

— Они ему не доверяют.

— Но вы всё же не против?

— Я против многого, — криво усмехнулся Михаил. — Однако всё, что мне ныне остаётся, это наблюдать. Он делает усилие стать человеком... нормальным. И я даю ему один-единственный шанс.

— А если он... сорвётся? — осторожно спросил Павел.

Ответа он не получил. Разговор был прерван резким звоном дверного колокольчика.

— Простите, друг мой, — произнёс Михаил, поднявшись, — это швейцар. Извещает, что экипаж уже подан. Мы едем на приём к доктору.

Всю дорогу Бирюк хранил угрюмое молчание и лишь у самых ворот больницы, когда колёса дрожек замедлили ход, глухо обронил:

— Чую, что угодил в ловушку. Запомни одно... если кто-нибудь меня зацепит, я не стерплю. Я не умею... терпеть.

— Здесь тебе никто не причинит вреда, — заверил его Михаил и с удивлением понял, что Бирюк напуган. — Это весьма приличная клиника. Лечение здесь — дело добровольное. Не понравится, уйдёшь.

Одноэтажное здание больницы, окружённое высоким забором и молодой берёзовой рощицей, напоминало скорее респектабельный загородный дом, нежели лечебное заведение. Лишь на калитке висела неброская табличка: «Частная лечебница для нервных состояний. Доктор Сигизмунд Тарнопольски».

Доктор сам встретил их в приёмной. Высокий, сухощавый, с аккуратно подстриженной бородкой, обрамляющей вытянутое лицо, он производил впечатление человека собранного и замкнутого. Холодные глаза за стёклами очков казались неподвижными. Он мельком окинул взглядом Михаила, после чего задержался на Бирюке, внимательно рассматривая того, кто, как он безошибочно определил, нуждается в его помощи.

— Я готов внимательно вас выслушать, — обратился он к Михаилу, — однако прежде предпочёл бы побеседовать с вашим спутником наедине.

— Разумеется, — кивнул тот. — Прошу лишь не пугаться, если он покажется вам... необычным.

— Не беспокойтесь, — ровным голосом ответил Тарнопольски, машинально поправляя очки. — Всякого рода незаурядные случаи и составляют основную направленность моей практики. Необычные пациенты — мой профиль. Условия в клинике достойные, а результаты, смею уверить, вполне удовлетворительные.

- Ну-с, прошу следовать за мной, милостивый государь, - обратился он к Бирюку.

Тот ничего не сказал, лишь поднялся и обречённо последовал за доктором. Дверь кабинета закрылась мягко и почти беззвучно.

Михаил остался в приёмной комнате. Большие напольные часы тикали чересчур громко, словно нарочно подчёркивая течение времени. пышные фикусы в кадках казались здесь неуместно живыми. Прошло десять минут, затем двадцать. Михаил поймал себя на том, что невольно вслушивается — не донесётся ли из глубины здания крик или резкий звук. Но нет, кругом царил прежняя тишина.

Когда доктор наконец появился, вид его был вполне довольным.

— Состояние пациента на данный момент стабильно, — сообщил Тарнопольски. — Импульсы приглушены. Не устранены, разумеется, но временно притихли.

— Импульсы? — переспросил Михаил.

— Влечения... позывы... побуждения, — с расстановкой перечислил доктор. — Названия могут видоизменяться, сущность же остаётся прежней.

Он помолчал и добавил:

— Александр осознаёт собственную опасность. И, что примечательно, искренне желает стать другим.

— Это возможно? — тихо спросил Михаил.

Тарнопольски на мгновение задумался.

— Всё определяется глубиной поражения, — уклончиво произнёс он. — Характером травмы. Готовностью пациента к сотрудничеству... и нашей собственной решимостью.

— Стало быть, прогноз...

— Благоприятный, — уверенно ответил доктор. — Даже весьма благоприятный.

Он заметно оживился, и в его голосе прозвучало нечто, близкое к профессиональному восторгу:

— Случай редкий. Я бы сказал — исключительный. Мне бы хотелось понаблюдать за ним дольше, привлечь коллег, возможно, провести дополнительные исследования. Я предложил Александру остаться у нас на две недели. Он согласился без всяких возражений.

— А если его... импульсы, — Михаил сделал паузу, — вновь проявят активность?

Тарнопольски взглянул на него поверх очков. Взгляд его был холоден и остр, словно скальпель.

— Ваш друг далеко не первый пациент подобного рода, — сказал он. — И, уверяю вас, отнюдь не самый трудный. Клиника в состоянии справиться и с куда более... сильными проявлениями человеческой природы.

— Каким образом? — не удержался Михаил.

— Различными способами, — сухо ответил доктор. — В зависимости от реакции больного.

Михаил поморщился, осознав, что Бирюка назвали его другом, но поправлять доктора не стал. Молча подписал бумаги и внёс плату за лечение. Рука его слегка дрогнула, когда он выводил подпись.

— Ожидаю вас через две недели, — сказал Тарнопольски и уже повернулся, чтобы удалиться, но вдруг остановился. — Скажите... имеются ли у пациента родственники? Жена, дети, родители?

— Сын и женщина... любимая, — ответил Михаил после короткой паузы и с тревогой спросил: — Для чего вам это знать?

Доктор растянул губы в улыбке, показавшейся Михаилу неестественной.

— Пациенту необходим стимул, — произнёс он притворно ласково. — Порой выздоровление требует средств, которые трудно назвать... гуманными. Однако опыт показывает их высокую действенность.

Тарнопольски кивнул, словно ставя точку в разговоре, и вышел из приёмной.

«Ещё один камень для моей души, — мрачно подумал Михаил. — Скорее всего, речь идёт о так называемом лечении электричеством...»

Михаил решил немного пройтись по весенней Москве. Он только что, под хорошую закуску, употребил в трактире графинчик водки, и тягостное ощущение, оставшееся после посещения лечебницы, начало понемногу отступать. Прогулка должна была рассеять хмель. После чего он намеревался взять экипаж и отправиться в клуб, где Павел, без сомнения, уже жаждался его.

Улица, мощенная булыжником, оказалась на удивление хорошо почищенной, и шагалось легко. Михаил уже миновал добрую половину намеченного пути, когда вдруг услышал знакомый голос:

— Какое удивительное совпадение!

Он обернулся. Вера стояла поодаль, посреди тротуара, словно нарочно выставленная на всеобщее обозрение. В светлой бархатной ротонде, отороченной песцовым мехом, она резко выделялась даже среди праздной московской публики. Из-под безрукавной накидки ниспадало платье из тонкой шерсти цвета весеннего неба, нежно-голубого, с едва уловимым блеском, будто в самой ткани затаился свет апрельского утра. На волнах светло-русых волос безупречно сидела шляпка-«таблетка», подобранная в тон платью и украшенная плюмажем из крапчатых перьев куропатки.

Вся эта нарочитая простота линий и цвета, доступная пониманию лишь истинному знатоку, в действительности обходилась весьма недёшево. Михаил знал это доподлинно. Он оплачивал счета.

Так наряжаются женщины, для которых платье служит действенным оружием, способом без слов заявить о наличии средств, вкуса и умения приобретать лучшее, заставляя прочих женщин завидовать и сравнивать.

— Вера, — вежливо поклонился Михаил.

— Как давно ты в Москве? — осведомилась она трагическим голосом. — Ты меня избегаешь? Мы живём почти по соседству, а ты даже не соизволил...

Актриса сделала лёгкую паузу, как будто собиралась разрыдаться. Подбородок дрогнул — ровно настолько, насколько следовало.

Мысленно чертыхнувшись, Михаил, старавшийся избежать такого рода сцены, покорно приблизился к ней:

— Я вернулся совсем недавно, буквально на днях. Как ты поживаешь?

— Как женщина, которую бросили посредством письма! — вспыхнула Вера. — Точно так же, как любая в подобном положении.

— Я не думал, что это имеет такое значение, — вздохнул Михаил. Хмель рассеялся окончательно. Как и улучшившееся после трактира расположение духа. — Письмо показалось мне... честнее.

— Разумеется, — с горечью отозвалась Вера. — Ведь у тебя было дело поважнее. Не то что я... Та, которую можно оставить вот так, без объяснений. Чтобы не видеть горьких слёз, которые...

Она театрально отвела взгляд в сторону. А затем вновь посмотрела на него, как будто ожидала реплику, по которой продолжит сцену.

— Вера, к чему вся эта драма? — перебил он её, достаточно невежливо. — Ты всё ещё живёшь во флигеле?

— А где же мне жить, милый? — с притворным изумлением воскликнула актриса. — В театре? Или, быть может, на постоянном дворе, в комнате с клопами?

Её рука смахнула с рукава воображаемую пылинку. В резком, отрепетированном движении сквозило раздражение — красивое, сценическое, как в момент, когда героиня отвергает унижительное предложение.

— Изволь, я съеду...

— Счета твои оплачиваются исправно? — мягко спросил Михаил.

— О, даже так? — язвительно заметила Вера. — Да, благодарю. Я не голодаю.

Михаил тяжело вздохнул.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Но у тебя это получилось, — с жаром ответила она. — И не потому, что тебе не хватило мужества сказать всё в лицо. И даже не из-за твоих намёков на то, что я жалкая содержанка. Ты считаешь, что я была с тобой ради всей этой мишуры... Что я не способна любить... глубоко... страстно... Что у меня вместо сердца — гроссбух!

Вера сделала шаг к нему, драматически сжала руки у груди и почти шёпотом, с надрывом произнесла:

— Но знаешь, дорогой... ты мне противен... ты жалок...

— Береги себя, — тихо сказал Михаил. Он действительно испытывал искреннее сочувствие к женщине, которую оставил уже во второй раз.

— О, я уже берегу! — Она склонила голову набок. — Пожалуй это всё, что мне остаётся...

Она развернулась и пошла по улице, не оглядываясь.

Он почувствовал себя виноватым, — отметила про себя Вера. — Мизансцена выбрана безупречно. И я сыграла превосходно. Милый, добрый Мишель пытался упрекнуть меня деньгами. Наивный... А как хороша была я!

Во флигель она вернулась в превосходном расположении духа. Зажгла лампу и подошла к зеркалу.

— Здесь больше не болит, — сказала она себе, прижимая руки к груди. — Я готова идти дальше.

Она попыталась припомнить, из какой пьесы эта реплика, но, не сумев, махнула рукой.

На полочке перед зеркалом стояла маленькая бархатная коробочка. Вера открыла её, вновь полюбовалась кольцом с крупным изумрудом и перечитала записку, приложенную к подарку:

«Никогда более не плачь без причины. Господин предпочитает улыбку».

Актриса надела кольцо. Оно село на палец как влитое.

— Господин... — пробормотала она, опускаясь в кресло. — Что ж, Михаил... сыграем. Но теперь по другим правилам.

Глава 3. Красная лента. Весна 1898 года. Лесная избушка вблизи города Полевского.

Лиза не успела даже прилечь, как раздался стук в дверь. Он был нерешительный, будто человек по ту сторону сомневался, стоит ли ему проситься внутрь. Волчок остался спокоен, не поднял головы и не подал голоса, и потому Фокусник направился к двери безо всякой опаски.

— Интересно, кого это принесло? — пробормотала белокурая и изящная Матильда, уже было собравшаяся что-нибудь спеть. — Никакого покоя. Пожалуй, надобно повесить табличку, как в театре: «Не входить. Репетиция».

Фокусник распахнул дверь и впустил в избу деревенскую девушку в цветастом платке, накинутом поверх драного тулупчика. Толстая светлая коса её была растрёпана, лицо бледное, а глаза красные и опухшие от слёз.

Парень с галантностью помог ей стянуть огромные валенки и усадил за стол. Однако девушка, казалось, вовсе не заметила его участия. Насупившийся Фокусник всё же присел рядом. Поля налила в кружку горячего чаю и подвинула её к неожиданной гостье. Вскоре к столу подошли Лиза и Матильда. Знахарка хлопотала подле печи, не вмешивалась, но слушала.

Все молчали, ожидая, что скажет девушка. Та заговорила не сразу. Несколько раз принималась за рассказ, но всякий раз её прерывали всхлипы. Наконец, уняв слёзы, она поведала:

— Любовой меня кличут... Сказывают... вы помогаете... нечистое гоните... Люблю я его... И он баял... обещал, что сватов зашлёт... что к Покрову свадьбу сыграем... А сам к этой... посватался... А как же я?... Листья с деревьев облетели, а я к цыганке пошла. Ведьма она, сказывают... Обещала Тишу моего вернуть. Как же я без него... Я... я никому зла не чаяла...

— Ты сделала приворот, — тихо закончила за неё Матильда. — На крови?

Любава кивнула, вся словно съежилась, будто стараясь стать меньше.

— Она велела... ту самую... бабью кровь... И волосы его. Хоть прядочку... Тогда, мол, он точно будет моим. До гроба. Я... я принесла. Прядку тихохонько остригла. Она там что-то поделала и дала мне ленточку красную. Велела спрятать её на старом кладбище. У одной могилы. И я... я всё сделала. Как она велела...

— И?... — спросила Матильда, потому что девушка замолчала.

— Помирают... — зашептала Любава. — Кто венчались надясь... У Мешковых, соседей наших, Устинья... дочка старшая... и муж ейный... В Ершовке две девки... родители голосят...

— Может совпадение? — с недоверием отозвалась Матильда. — Мало ли. Захворали, перепили, переели.

Любава побледнела ещё сильнее и снова зашептала:

— Три пары... После брачной ночи... Заходят поутру, а там... Тела их... будто зверь какой драл... крови в них нет... словно вылита вся...

— Всё-таки не возьму в толк, при чём здесь ты и твой приворот, — проворчала Матильда, нахмурившись. — Я по молодости и сама подобным баловалась, было дело. Впрочем, без крови, да ещё такой... особенной...

— А мёртвые-то, — всхлипывая, перебила её Любава, — красной лентой перевязаны... кругом всё в крови... всё изодрано..., а лента чистая, будто только что из рук вышла... ни капельки на ней, ни зацепки, ни пятнышка...

С этими словами она снова залилась слезами.

— Н-да, — только и сказала Матильда.

— Люди судачат, будто проклятие это, — продолжила девушка, утирая нос цветастым платком, накинутым на плечи. — Боятся свадьбы гулять... венчания отменяют. А он... Тихон... упёрся. Хочет свадьбу. Через неделю...

— И ты, стало быть, сдрейфила, что следующими будете вы, — подытожил Фокусник, почесав щёку и окинув Любаву внимательным, цепким взглядом. — Ну шо... логика в этом есть, как ни крути.

Он махнул рукой, словно отгоняя дурные мысли, и с важностью изрёк:

— Добре, шо пришла. Зараз будем думать. А думать — это, между прочим, уже наполовину помогать.

— Ты знаешь, как её спасти? — резко повернулась к нему Матильда.

— Ни-и-и, — протянул он. — Зато я знаю того, кто знает. А это, между прочим, уже полдела.

Матильда поджала губы, но всё же кивнула, принимая такой ответ.

— Если крови нет, значит, кто-то ею питается, — задумчиво сказала Поля. — Но не упырь. Те не разбирают, кто венчан, а кто нет. Им всё едино.

— Бес ради крови убивал, — тихо произнесла Лиза. Голос её дрогнул. — Но он... он не делал ничего из того, что говорит девушка. Я бы знала... я бы... почувствовала...

Любава испуганно покосилась на неё и, на всякий случай, отодвинулась, заёрзав на скамье.

— Ласточка моя, — тут же отреагировала Матильда, обнимая Лизу за плечи и притягивая к себе. — Никто и не думает, что...

Она выразительно взглянула на Фокусника, и тот немедленно подхватил:

— Та вы шо, та я вас умоляю! — всплеснул он руками. — Тут и без того ужастиков хватает. Лизон ни при чём, это я вам, как дока по таким вопросам, ответственно заявляю. Отставить ходить кругами! Идём к Лесному Хозяину.

— К кому? — несмело спросила Любава.

— К тому самому, — с важностью кивнул Фокусник. — Я с вас удивляюсь. Это дядя серьёзный. И у меня с ним, между прочим, имеется некоторый гешефт...

— Ай, балабол, — с досадой отозвалась знахарка.

— Мадам, я бы попросил...

— Ходить всем не надо, — снова перебила она его. — Возьмёте древоподобного стража, что хоронится за домом. Доставит вас, куда следует.

— Но позвольте, — обратилась к знахарке Матильда, сдерживая досаду, — нам ведь прежде всего Лизхен выручать надобно. Какое нам дело до деревенских любовных страстей? Пусть обращаются к властям. Или... как у них тут водится... к сельскому старосте.

Любава всхлипнула и вновь залилась слезами, спрятав лицо в ладони. Знахарка строго посмотрела на Матильду.

— Есть у Лизы запас времени, — проговорила она негромко. — А беда Любавы рядом с нами. Творится неладное. Помочь тут в наших силах. Помогает сильный слабому. Держится на том жизнь.

Матильда шумно выдохнула и сдалась:

— Ладно... Вы правы. У нас есть то, чего у простых людей нет. Например...

Она хотела продолжить, но знахарка приложила палец к губам и едва заметным кивком указала на Любаву. Было решено, что Матильда и Лиза займутся поисками графини Вереysкой. А Поля и Фокусник отправятся к Лесному Хозяину.

Тот принял их приветливо, без враждебности, скорее с внимательным любопытством. Лесной Хозяин сидел на поваленном дереве, возле шалаша. Выслушал новости, покивал, и надолго задумался, глядя широкой ладонью мягкий ярко-зелёный мох на стволе рядом с собой.

— Скажите мне, дети, — наконец произнёс он, и голос его прозвучал глухо, — как чувствует себя ваша подруга?

Лесной Хозяин перевёл взгляд на Полю.

— Нет ли в ней чего странного, пугающего? Поликсена?

У Поли всё внутри сжалось. В памяти вспыхнула расправа с кикиморой, жар костра, треск пламени и крики. Неспроста, ох неспроста он спрашивает. Лиза ведёт себя спокойно. Это означает, что бес крепко заперт. Но кто поручится, что решит Лесной Хозяин? Может, ему проще устранить саму опасность, нежели ждать её пробуждения.

Эти мысли вихрем пронесли у неё в голове, и Поля ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— У нас всё тихо. Мы знаем, как помочь Лизавете, и уже начали действовать. Вам не о чем тревожиться.

— Таки да, — встрял Фокусник, делая шаг вперёд. — Мы с неё глаз не спускаем, наше вам с кисточкой. Магистриса колдует, стража ваша на стрёме, все при деле, всё под замком. Отвечаю, как за собственную голову, а голова у меня одна и мне она дорога, как память о родной маме...

Лесной Хозяин прищурившись, внимательно смотрел на него тяжёлым взглядом и Фокусник, наконец, умолк.

— Ладно, коли так. А что до той девушки, Любавы... Есть две сущности, что подходят под описание творимых бесчинств. Лубистиха и Кровохлёбка. А вот которая из них ваша, в том ещё предстоит разобраться...

Лесной Хозяин перевёл дыхание и продолжил:

— Говорят, что Лубистиха была когда-то человеком. Чистой душой да полюбившей непутёвого парня. Тот морочил голову двум девушкам — ей и её подруге, что с детства вместе росли. Невестой подругу выбрал. А с ней любвишку тайную закрутил. Потеряла она голову да и сделала приворот, глупая. А подруга оказалась сердцем тёплая, кроткая голубица и даже когда раскрылась измена, не прокляла, а только сказала: «Будьте счастливы, коли можете».

Но счастья не вышло. Жених сбежал. Подруга вскоре умерла, так же тихо, как и жила, без ропота и жалоб. А Лубистиха осталась. Приворот, ею же сотворённый, лёг на неё камнем. Ни с кем более жить не смогла. Ни мужа, ни ребёнка. Одиноким пустоцветом жизнь провела. Даже кошки не приживались.

Когда настал её срок, душа не ушла в светлую Правь, а застряла в Нави, изливая свою вину и горечь на других. С тех пор возвращается она в Явь всякий раз, как возникает разлом — тонкая трещина между мирами, сквозь которую могут просочиться демоны и неупокоенные духи. Приходит к тем, кто смеет привязывать сердце силой, кто не держит любовных клятв и легко бросает тех, кого обещал беречь.

Тела уродует, ибо до душ добраться не может. Правда, не бывало ещё, чтобы она убивала сразу многих.

Чтобы удержаться в Яви, пьёт она кровь тех, чья любовь стоит на привороте и обмане. Человек убить её не может, она уже мертва. Только ведун, через обряд, может освободить душу, а тело сжечь. А напитавшаяся кровью Лубистиха становится крепка и просто так не даётся. И если её не изничтожить, погубит много душ и укроется в Нави.

Лесной Хозяин замолчал, посмотрел на Полю и Фокусника, которые внимательно слушали его, зачарованные рассказом и улыбнулись:

— Вот так, дети, бывает в жизни. Страшное это дело — пустить магию в свою жизнь, не понимая, что за всё есть своя плата.

— А как выглядит эта... Лу-бис-тиха, — Поля по слогам произнесла непривычное имя. — Она человек или как та...

Она поёжилась от внезапного озноба при воспоминании о злобной твари, которая чуть не отправила её в серый мир. В Навь.

Лесной Хозяин догадался о чём думает Поля и сказал:

— Она не похожа на кикимору. Лубистиха выглядит как высокая женщина, обряженная в лохмотья. У неё красные глаза, длинные спутанные волосы, землистая кожа и острые когти. Смердит от неё как от...

— ...как от падали, — снова встрял Фокусник, не способный переносить столь долгое безмолвие. — Панночка, на минуточку, помэрла, так об чём здесь базарить? В гробу и белых тапочках видал я такое нюхать...

— Вынужден согласиться с тобой, трюкач, — усмехнулся Лесной Хозяин. — Но продолжу рассказ. Кровохлёбка — иная сущность. Это древнее зло. И кровь забирает, и тела терзает, да причина у неё другая. Родовая честь. Из тех времён она, когда род и чистота помыслов стояли выше самой жизни. И кто предавал честь рода, платил за то жизнью первенца.

Про неё давно не слыхивали, и стольких смертей в её обычае не было. Но рассказать о ней я обязан, ибо способы умерщвления схожи.

Кровохлёбка является в виде ребёнка. Личико детское, ростом мала, волосы белые, прямые. Руки тонкие, нежные на вид, да пальцы узловатые, старушечьи. Говорит тихо, почти ласково.

Изгнать её нетрудно. Надобно вернуть ей вещь, которой она пометила тело убитого первенца. Наказание своё она совершила и смертоубийство без причины ей ни к чему.

Тут главное не ошибиться. Лубистихе ленту отдавать нельзя ни в коем случае. Иначе останется она в Яви навеки и изведёт множество людских жизней. Приворотами ведь многие балуются, грехом их не считают...

— Что же нам делать? — тихо спросила Поля.

— Найти ту, что сделала приворот для Любавы, — ответил Лесной Хозяин. — Ведьму. И выведать, кого именно она призвала. У какой могилы велела прикопать ленту. Всё разузнайте и тогда вновь приходите ко мне.

Глава 4. Тонкий аромат беды. Весна 1898 года. Москва.

Москва дышала весной, как единый огромный организм. По утрам ещё держалась прохлада, словно выдох прошедшей ночи. К полудню она рассеивалась, растворяясь в солнечном свете, и улицы оживали, наполняясь движением и шумом.

По брусчатке шумно катили экипажи всех мастей. В элегантных пролётках ехали купцы и деловые люди.

Мелькали щегольские фаэтоны с откидным верхом и большими колёсами. Запряжённой в них парой рысаков обыкновенно правили лихие кавалеры, по молодости своей охочие до скорости и внимания.

Изредка степенно проезжало комфортабельное ландо — замена старомодным каретам, в котором предпочитали ездить сильные мира сего, склонные избегать лишней публичности.

И по соседству с этим великолепием, возница в засаленной шапке подгонял усталую клячу, тащившую скрипучие дрожки — незамысловатое средство передвижения горожан попроще.

Эта пёстрая вереница средств передвижения наглядно показывала, что город живёт сразу в нескольких измерениях — от простонародного до чопорно-аристократического.

По тротуарам текла людская река. Мастеровые в долгополых шерстяных армяках, более похожих на халаты, обутые в смазные сапоги, от которых тянуло дёгтем, шагали неторопливо, сжимая в руках предметы своего труда — ящик с инструментами, свёрнутую верёвку или лопату.

Молодые приказчики, напротив, спешили. В костюмах узкого покроя, с крахмальными воротничками рубаш, в картузах и клетчатых шарфах, они ловко прокладывали себе путь сквозь толпу, боясь опоздать по делам.

Дамы в светлых пальто несли над собой кружевные зонтики. Их шляпки, украшенные перьями и лентами, напоминали пёстрых птиц, взволнованных весенним ветром. Мужчины в шерстяных пальто и жилетах с цепочками часов, поблёскивающими на солнце, щеголяли аккуратными котелками. Мальчишки-газетчики, в коротких курточках и матерчатых фуражках, громко выкрикивали горячие заголовки, рассыпая их в воздухе.

Запах большого города, пробуждающегося после зимы, перемежался ароматом свежего хлеба из пекарен. В тщательно вымытых стеклах нарядных витрин сияло полуденное солнце.

Павел топтался возле магазина с изящной вывеской *«Maison Devineau. Духи и пудры из Парижа»*. Он заметно нервничал. Михаил велел выбрать подарок для супруги строительного подрядчика Подберёзова, с которым предстояло затеять ремонт нового доходного дома. Французские духи, наверное, хороший подарок, размышлял Павел. Никогда прежде он не покупал презентов дамам. Кроме Поли... Но Поля не дама, а девушка — милая, понятная и простая.

Слишком простая... — с тоской подумал он, — раз променяла меня на учёбу.

Парень прошёл мимо десятка магазинов и всё никак не решался переступить порог хоть одного из них. В подобных лавках он не бывал, и желание бросить всё и вернуться в клуб «Медведь», где чувствовал себя как рыба в воде, становилось почти непреодолимым.

Родившийся и выросший в провинции, Павел до знакомства с Михаилом кочевал по просторам Российской империи, берясь за любую работу. Лишь бы платили. В душе своей он так и остался тем же провинциальным мальчиком, несмотря на превосходную квартиру и костюмы, сшитые у столичных портных. Внешний облик менялся быстрее, чем внутреннее чувство самооценности.

Наконец, собравшись с духом, Павел шагнул внутрь магазина с ароматами Парижа.

Здесь всё сверкало. Бронза светильников, натёртый до зеркального блеска паркет, стеклянные флаконы на бархатных подставках. Большие зеркала множили пространство, заставляя теряться в отражениях. Воздух наполненный благоуханиями щекотал нос и Павел едва удержался, чтобы не чихнуть. Его смущали продавщицы, нескромно наряженные в шелка. С приказчиками-мужчинами, подумалось ему, было бы куда проще. А теперь, под перекрёстными взглядами симпатичных девушек, он чувствовал себя точно выставленным напоказ.

— Вам что-то угодно, сударь? — вежливо осведомилась уже третья по счёту продавщица.

— Э-э... что-нибудь... для подарка... на именины, — наконец выдал из себя Павел.

— Для женщины или для мужчины? Какого возраста? Брюнетка или блондинка? — посыпались вопросы, произнесённые с лёгкой ноткой превосходства, от чего Павел покраснел до корней волос.

Да что же это за пытка такая, — с досадой подумал он. — Тут, верно, потешаются надо мной. Пойду в лавку попроще...

— Позвольте мне помочь Вам, — раздался у него за спиной чарующий, с тёплым придыханием, голос.

Павел обернулся. И мир вокруг будто потускнел. Никогда ещё не видывал он такой красавицы. Изящная, утончённая, словно ожившая фарфоровая статуэтка, сошедшая с каминной полки. Он не рассмотрел во что она была одета. Что-то светлое, перламутрово-кружевное. Зато увидел глаза. Карие, обрамлённые длинными ресницами, смотревшие на него с вниманием. И губы. Чувственные, полные, ласково улыбающиеся ему.

— Простите, душенька, — обратилась красавица к продавщице, чуть сморщив точёный носик. — Думаю вы согласитесь, что этот растерянный юноша нуждается в особой заботе. Позволю себе взять его под своё крыло.

Она взяла с прилавка красивый флакон, открыла его, вдохнула аромат и протянула Павлу.

— Рекомендую *Chypre aux bois*... аромат тонкий, почти невесомый, — произнесла она негромко. — Лесные ароматы нынче в большой моде и очаруют Вашу даму. А вот *L'Héritage Impérial*... Это мой любимый. Вдохните...

Она приблизила запястье к лицу Павла. Жест был столь интимен, что скандализированная продавщица поспешно отошла в сторону, поджав губы.

— Наконец-то! — тихо рассмеялась красавица. — Наконец-то они оставили Вас в покое. Толку от этих гусынь, право слово, немного. Так что же... Вам нравятся мои духи?

И она вновь поднесла запястье к его лицу. Павел вдохнул, на мгновение прикрыв глаза, словно пробовал вино:

— Здесь... тёплый оттенок шафрана... и что-то терпкое... скорее всего кожа...

— Вы не так просты, как выглядите, — заметила она и, прежде чем он успел осознать уязвительный смысл, продолжила: — Покупайте же скорее *Chypre aux bois*. Потом мы с Вами идём в кофейню. В соседнем доме подают превосходный кофе и нежнейшие пирожные буше. Возражений не принимаю! Не могу же я так просто расстаться с мужчиной, который сумел разгадать мой аромат.

Разумеется, Павел согласился. Он чувствовал себя словно во сне, где фарфоровая статуэтка в витрине вдруг ожила и протянула к нему руку.

Кафе оказалось роскошным и уютным. Большие витражные окна, пышные растения в кадках, круглые столики с идеально белыми, кружевом отделанными скатертями, чёрные лакированные стулья и лиможский фарфор. К столику их проводил официант в униформе с позолоченными пуговицами. В воздухе витала восхитительная смесь ароматов кофе, ванили и свежей выпечки.

Аделаида не спеша сняла перчатки. Мужчина более искушённый, чем Павел, сравнил бы это с медленным раздеванием перед близостью.

— Здесь очень красиво, — сказал Павел, который мало что замечал, кроме своей спутницы. — И... спокойно.

— Это моё любимое место, — ответила она, поглаживая тонкими пальцами ножку бокала с водой. — А Вы, Павел, умеете удивляться. Нынче это редкость. Большинство мужчин уверены, что уже всё познали. Особенно о женщинах. Особенно о таких, как я.

— Таких, как Вы?

— Красивых, — просто сказала она.

Он не сводил с неё взгляда. Ада вызывала в нём странные ощущения.

— А Вы, Павел... кто Вы?

Он пожал плечами:

— Человек... который хочет чего-нибудь добиться... в этой жизни. Стать... кем-то большим, чем сын... своего отца.

Она наклонилась ближе. Аромат шафрана и кожи от её волос окутал его.

— У Вас чудесные глаза... — тихо сказала Ада. — Прямой взгляд... Что говорит о том, что помыслы Ваши чисты. А это знаете ли, такая роскошь нынче...

Павел смутился, опустил взгляд в чашку. Сердце его забилося часто, кровь сперва прилила к лицу, затем отхлынула и он почувствовал желание, отчего смутился ещё больше:

— Простите, — вымолвил он, — я не очень умею... говорить правильно... когда рядом такая, как Вы...

— Тогда молчите, — мягко ответила она. — Ничего не говорите. Просто смотрите...

После паузы, растянувшейся на несколько долгих минут, Аделаида улыбнулась:

— Мы с вами как разные цветы. Вы — полевой колокольчик, я же орхидея. Им не место в одном букете... но кто сказал, что нельзя попробовать?

Павел хотел ответить, но она легко коснулась его руки и в голове стало пусто...

В когда-то безликом номере гостиницы довлел ныне дух Екатерины — антураж роскоши, власти и демонстративной силы. На ковры небрежно брошены шкуры хищников, словно трофеи, призванные напоминать о превосходстве. Множество тяжёлых хрустальных ваз были всегда наполнены свежими цветами и фруктами. Плётки и стеки для верховой езды покоились рядом с изящными хрупкими безделушками из слоновой кости, не вступая в противоречие, а скорее дополняя друг друга. Стены украшали подлинные полотна, прославлявшие подчинение торжеству сильной воли.

В будуаре, на круглом столике, стояла полупустая бутылка шампанского, рядом с ней два бокала со следами алой помады и пепельница, переполненная окурками тонких египетских сигарет, источавших сладковатый запах.

— Он глядел на меня, как на чудо, — засмеялась Аделаида, застёгивая тесный корсет. — Смушался, благодарил за честь проводить меня. Представляешь, даже запомнил название моих духов.

— И что же ты чувствовала? — спросила Екатерина.

Она сидела в глубоком кресле, небрежно удерживая в пальцах дымящуюся сигарету. Полы чёрного шёлкового халата разошлись, открывая во всём своём великолепии ноги в тонких сетчатых чулках.

— Неловкость, — Ада взяла с туалетного столика щётку для волос и замолчала, подбирая слова. — Он такой чистый... И мне не по себе, как в детстве, когда возвращаешься домой в грязных ботинках и боишься испачкать ковёр.

— Как трогательно, — холодно усмехнулась Екатерина. — Но помни, кто твой господин. А теперь положи мою расчёску на место и убирайся. Надоела...

Аделаида и Павел несколько раз посетили театр, прежде чем стали любовниками. Для него это событие оказалось рубежом, после которого жизнь уже не могла быть прежней.

А для неё стало первым болезненным опытом. Никогда ещё ей не приходилось столь осознанно лгать мужчине, который был ей по-настоящему приятен. В обычной жизни она не обращала внимание на подобных кавалеров.

Прежде чем привести Павла к себе, она отпустила прислугу. Ада воображала, что горничная и лакей способны выдать её тайны о том, сколько мужчин здесь побывало. Ей хотелось завесить стены и убрать зеркала, чтобы стереть память о прежних днях.

В доме пахло жасмином и сандаловым деревом. Кружевной тюль на окнах не скрывал света уличных фонарей, и, пока они проходили комнату за комнатой, большие зеркала отражали их движения. Аделаида шла чуть впереди, мягко ступая по пушистым коврам.

— Почти пришли, — сказала она, не оборачиваясь.

— Очень красивый дом... — пробормотал Павел, и волнение сдавило ему грудь. Он хорошо понимал, что именно сейчас должно случиться.

— Дом? — рассмеялась Ада. — А я?

Она осознавала свою власть. Сейчас он скажет и сделает всё, что она захочет. Это было самым прекрасным в отношениях между женщиной и мужчиной. Эта возможность господствовать и толкала Аду на поиски новых любовников.

Она подняла руки, вынула из шпильки из причёски и шелковистые волосы орехового цвета рассыпались по плечам. Зачарованный Павел смотрел не отрываясь.

Ада распахнула очередную дверь, и они оказались в комнате с большой кроватью. Возможно, там было ещё многое, но Павел этого не заметил. Она очень близко подошла к нему. Провела рукой по его плечу, по лацкану пиджака. Легко, привычно. Так хозяйка поправляет складку на покрывале.

— Вы слишком добры ко мне, — прошептал он внезапно севшим голосом. — Я ведь даже не признался Вам в любви...

— К чему церемонии, — так же тихо ответила Ада, приблизив губы к его губам на опасное расстояние. — Сегодня... я просто женщина... у которой красивый гость, и мне не хочется его прогонять...

Как ртуть и серебро встретились их губы. Павел понимал, что ошибается. Но не остановился...

Потом они лежали на смятых простынях, под нависающим над ними балдахином. Ада смотрела вверх. Он гладил её ладонь, не решаясь нарушить тишину.

— Я люблю тебя, — наконец решился Павел.

Она чуть повернула к нему голову:

— Никогда больше не говори мне этих слов. Я не умею их хранить.

Глава 5. След женщины в чёрном. Весна 1898 год. Лесная избушка

Прямой дороги к старому кладбищу не существовало. Пришлось им дойти до Любавиной деревни по узкой тропе, истоптанной ногами крестьян, приходивших к знахаркиной избе по разной надобности.

Весна уже вступала в свои права. Однако лес не спешил подчиняться её велению и меж деревьев ещё лежал слежавшийся, напитанный влагой, снег. Но уже звонко щебетали птицы, а воздух был наполнен смоляным духом сосен, прогретых вешним солнцем.

Волчок бежал впереди, временами замирая и принохиваясь. Следом бодро шагали Поля и Фокусник. Любава плелась позади, отставая всё больше. Она то и дело утирала нос краем цветастого платка и настороженно озиралась по сторонам с таким видом, будто ожидала, что кто-нибудь сейчас выскочит из-за деревьев.

Кладбище называли старым, потому что хоронить здесь давно перестали. Не хватало места. Однако и заброшенным оно не выглядело. Меж покосившихся крестов виднелись свежие следы человеческого присутствия. Кто-то всё ещё приносил сюда поминальные угощения и ухаживал за могилками. И оттого погост не дышал запустением, а жил своей странной, немного тревожной жизнью.

— Вот здесь... — прошептала Любава, останавливаясь и указывая дрожащей рукой на большой камень, служивший надгробием вместо креста. — Велела тут прикопать. Я ямку неглубокую вырыла, ленту завернула... землёй прикрыла. Откопать?

Голос её сорвался. Ох как не хотелось Любаве трогать то, что сама и закопала. Стыдно и страшно.

Поля присела на корточки, провела ладонью по камню, ощутила его ледяной холод.

— Обыкновенный булыжник вместо креста, — произнесла она задумчиво. — Словно нарочно положили камень, чтобы легче было отыскать. А под снегом и не разберёшь, есть ли здесь ещё такие ямки.

Фокусник стоял чуть поодаль, настороженно вглядываясь в чашу. Волчок тем временем вынюхивал что-то в кустах, порой тихо порывая. Над головами громко стрекотала сорока, будто спешила оповестить весь лес о пришедших чужаках.

— Давай не будем ничего трогать, — обратился он к Поле. — Мало ли шо...

— Тогда в табор? — тихо спросила Поля.

Фокусник лишь кивнул. Любаву они отправили домой, расспросив напоследок, где искать ведьму.

Табор встретил их неприветливо. Цыгане остановились на зимовье возле жилища ведьмы. Она проживала там давно, в ледящем домишке на окраине деревни. Окна его выходили на опушку леса. И теперь подле жилища ведьмы теснились кибитки, лошади лениво жевали овёс, пылали костры, над которыми вился сизый дымок.

Нашим героям пришлось пройти совсем рядом с цыганским биваком. Волчок теперь держался позади, охраняя Полю и Фокусника. Мужчины в овчинных жилетах, черноволосые кудрявые, молча следили за каждым их шагом.

— Смотри, — шепнула Поля, улыбаясь краешком губ. — Они все на тебя похожи. Такие же черноволосые да черноглазые. Ты, видать, тоже цыган. Давай, поговори с ними. *Lupus non mordet lupum...*

— Ой, кохана панночка опять меня за профессора держит, — огрызнулся парень.

— Волк... — набрала воздуха девушка, чтобы объяснить латинскую фразу, но Фокусник её опередил:

— ... волка не кусает. Что означает ворон ворону глаз не выклюет. А также рыбак рыбака видит издалека. Не умничай. Не до того сейчас.

Поля только восхищённо цокнула языком. Тем временем они подошли вплотную к цыганам.

— Бахталэс, — поприветствовал Фокусник мужика в собачьей дохе и с серьгой в ухе, мрачно глазевшего на них. — Нам бы погадать. Дело срочное.

— Не принимает, — коротко ответил цыган, прищурившись. — В другой раз приходите.

— Нельзя в другой раз, сейчас нужно, — усмехнулся Фокусник и пристально посмотрел тому в глаза.

Цыган замер. Взгляд его остекленел, плечи опали, руки опустились. Фокусник удовлетворённо хмыкнул и приказал:

— А ну-ка, приведи сюда всю шайку!

Комната тонула в сумраке. В воздухе стоял густой запах ладана, пыли и старческого тела. Окна занавешены наглухо и дневной свет не находил себе дороги внутрь. Одинокая свеча, поставленная на незастеленный скатертью стол, выхватывала из мрака сидящую простоволосую старуху в пуховой шали, небрежно накинутой на узкие плечи.

Морщинистое лицо ведьмы оставалось неподвижным, словно маска из корней сухого дерева. Ни удивления, ни досады, как будто бы она предвидела их визит.

Поля и Фокусник раздеваться не стали. В нетопленной избе холод поднимался от самого пола и пробирал до костей.

— Чего надо? — хрипло спросила старуха, недобро зыркнув исподлобья. — Сказано же, что не принимаю.

— Люди говорят, шо вы немножко за привороты колдуете, — невозмутимо сказал Фокусник. — Меня, понимаешь ли, интересует шо вы там Любаве наобещали.

— Какая такая Любава, — забормотала ведьма, сердито глядя на Фокусника. — Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. Уходите подобру-поздорову. А не то кликну в подмогу лихо лупоглазое. Выжжет тебе зенки и волосья повыдергает. Соль тебе в очи, кочерга в зубы, горшок между щёк!

— Ой, а я знаю этот заговор! — оживилась Поля. — Его, когда хвалят, говорят, чтобы сглаза избежать. В обители тётеньки часто повторяли. Ничего ведьмовского в нём нет.

— Ну что, старая карга? — рявкнул Фокусник и сделал свирепое лицо. — Будешь рассказывать, али как? Да не тяни мене за последний нерв. Мене с этого противно. Надыбаешь себе мощный гембель на ровном месте. Ну?!

— Ой-ой-ой, касатик... — заскулила ведьма, прижимая к груди костлявые руки. — Пожалей бабушку. Жить-то как-то надо. Кушать всем хочется. Ворожу, как умею. Люди верят... хлебушка приносят бабушке. А я-то никому худого не делала...

— Ты ж не цыганка? — уже спокойнее уточнил Фокусник.

— Не цыганка, милоч, истинный крест, — поспешно закивала старуха.

— А чего тогда мозги людям пудришь?

— Так цыганям-то веры больше, в смысле колдовства, — жалобно протянула она. — Не то что нам, простым православным...

— А табор у тебя, выходит, заради ширмы, — заключил Фокусник и тут же добавил: — А шо за могила, к которой ты Любаву отправила?

— Ох, да не помню я имена, милоч... — завздохала ведьма. — Бабушка еле-еле душа в теле. Разве упомнишь этих девок. То приворожи, то отворожи, то покрасивей хотят, то плод скинуть... Разве ж...

— Ты мне зубы-то не заговаривай, хрычка богомерзкая, — вновь посуровел Фокусник.

— Это, бабушка, та, которой ты красную ленту дала, — вмешалась Поля.

Старуха завращала глазами и наморщила лоб, будто силясь вытащить воспоминание из глубин памяти. Но Фокусник видел её насквозь. Он не наивная Поля и ясно понимает, что ведьма знает больше, чем говорит, и молчит не от забывчивости, а по другой причине.

— Ну всё, бабка, ты мне надоела! — гаркнул он и схватил свечу. — Будут потери...

— Не нравишься ты мне, касатик, — противно захихикала ведьма. — Глаза у тебя змеиные. И девка твоя, рыжая-бесстыжая. Табор-то знаешь для чего держу? Сейчас как свистну, тотчас прибегут мои верные помощники. Мокрого места от вас не останется!

И она действительно, залихватски, по-разбойничьи, свистнула.

Ничего не произошло.

Старуха свистнула ещё раз, резче, отчаяннее. Потом, нахмурившись, подошла к окну и отдернула край занавески. И глазам её предстала странная картина. По опушке леса, меж кибиток, выстроившись, словно солдаты на плацу, маршировали с полдюжины цыган. За ними важно топал волчок, покусывая за ноги каждого, кто манкировал хождением строем.

— Дак что ж это... дак как это... — прошептала ведьма.

— Очи чёрные, очи жгучие... — пропел первую строку известного романа Фокусник. — Угадала про глаза-то, бабка. А теперь, бекицер, повествуй всё про могилу кудой ты баб гоняла. Иначе подпущу к дому красного петуха и аля-улю... И никто тебе на помощь не кинется. Нема желающих до такого гембея. Биндюжники твои, без моего «ша», так и будут кругами ходить. А хуторянам по... по шарабану...

Старуха молчала.

— Что за могила? — Фокусник не сводил с неё глаз. — Кого там схоронили?

Она вдруг подняла голову. Глаза блеснули слезами в полумраке.

— Ты думаешь, я сама эту могилу выбрала? — слезливо выкрикнула она.

— Кто выбрал? — тихо спросила Поля.

— Женщина приходила, — старуха понизила голос. — Чужачка. Одета хорошо, а глаза...

— А что глаза? — поинтересовалась Поля. — Какие?

— Страшные, — поёжилась она. — Такие, что лучше бы я их не видела.

— И она указала на эту могилу? — уточнил Фокусник.

Старуха кивнула.

— Она знала, что я... — ведьма замаялась, но всё же сказала: — ... ненастоящая. Сказала, что пусть закапывают всё на той могиле. Что после этого точно всё сбываться будет и я обрету славу сильной колдуньи. А я что, мне только на руку такой расклад. И действительно так всё и вышло. Народ ко мне зачастил...

Поля перекрестилась.

— И эта могила... она что, правда... исполняет?

— А как же! — криво усмехнулась старуха.

— Кто там лежит? — процедил Фокусник, глядя ей прямо в глаза.

Но она вдруг отвела взгляд, ссутулилась, прикрыла лицо руками.

— Не знаю, не знаю... — бормотала сквозь пальцы старуха. — Страшно... Не хочу знать. Старая могила... камень без креста. Никто не плачет... никто не помнит. Только та женщина, что приходила...

— Как она выглядела? — Фокусник подошёл к ведьме и наклонился к её лицу. Голос его стал тише, мягче, но металл не исчез.

— Обыкновенная, — прошептала она. — Ни молодая, ни старая. Вся в чёрном. Лицо белое. Улыбалась так... будто знала обо мне всё. И запах от неё такой был... сладкий, дурманистый... как куст кладбищенский, когда цветёт... такой белый али лиловый...

— Syringa? — оживилась Поля.

— Чаво? — вытаращила глаза старуха.

— Ну сирень, — пояснила травница. — Её часто на кладбищах высаживают. Считается, что она оберегает души усопших и...

— Ох, коса до пояса, язык до колен, — язвительно бросила старуха. — Девка твоя...

Поля вспомнила, что нечто похожее ей говорил настоятель скита Емельян, человек мерзкий, и грустно посмотрела на Фокусника. Но тот и без взгляда обожаемой девушки рявкнул на ведьму:

— Калитку закрой! Я не посмотрю на почтенные седые патлы и гэпну у твою морду от всей моей босяцкой души. Веришь?

— Верю, касатик, — захныкала старуха.

— Смотри у меня, — пригрозил Фокусник. — Имя эта сиреневая называла?

— Нет... — ведьма качнула головой. — Сказала только, никому о ней не говорить. Иначе худо будет.

Фокусник медленно выпрямился, его лицо оставалось спокойным. Он поставил свечу, которую всё это время держал в руке, обратно на стол. Та дрогнула, фитиль зашипел.

— Уходите! — заголосила вдруг старуха, словно спохватилась, что наговорила лишнего.

— Уходите, пока не поздно. Не суйте нос туда, куда не звали!

И забормотала что-то себе под нос, будто отгоняя невидимых духов.

— Благодарствую, бабушка, — насмешливо попрощался Фокусник. — За щирость твою и ласку бюю земной поклон.

Глава 6. Душа и плоть. Весна 1898 г. Москва.

— Не уходи, Рыжик... пропаду без тебя... дом... заведём... детишек... я тебя не обижу...

Слов почти не слышно. Вокруг простирается голая равнина, затянутая низкой серой пеленой. Сумрачно. Тонкий девичий силуэт медленно исчезает в вязкой дымке. Абсолютное безветрие, тишина и отсутствие запахов. Лишь пустота, тянущаяся до каменной стены впереди.

Павла пронзает мысль. Ясная и страшная. Из-за этой стены возврата нет.

Он бросается за Полей. Ноги тяжёлые, налиты чугуном. Каждое движение даётся с мучительным усилием, словно бежишь сквозь воду. От стены тянет мёртвым холодом. Ему не успеть!

— Не бросай меня одного! — в отчаянии кричит Павел.

Но крик превращается в шепот. Из души рвётся тоскливая песня. Но именно она разрывает плену. Поля оборачивается. Протягивает руки. Он тянется к ней. И вдруг сам падает в темноту...

... и резко просыпается. Сердце колотилось так, что казалось сейчас выскочит из груди. Он долго лежал, не шевелясь, глядя в потолок, пока дыхание понемногу не выровнялось.

Воспоминание о том дне, когда он спас Полю, и ясное понимание, что ради неё готов был пойти даже на смерть, осталось внутри незажившей раной. Она стала Павлу ещё ближе, роднее. Защищать её стало насущной потребностью. Поля такая наивная, уязвимая и обидеть её всякий сумеет.

Но теперь... теперь есть Ада.

Он долго ворочался в мягкой постели своей московской квартиры, прислушиваясь к мерному ходу часов, и всматривался в потолок, по которому медленно скользили тени, образованные светом уличного фонаря. Смех Аделаиды, её тихий шёпот всё ещё звучали в его памяти, как волнующая мелодия, от которой невозможно было отрешиться. Тело помнило прикосновения её тёплых, нежных рук. От этого вспоминать о Поле становилось ещё тяжелее. На душе словно кошки скребли.

Наконец, Павел не выдержал, поднялся, подошёл к письменному столу и зажёл спиртовую лампу. Жёлтый огонёк дрогнул, осветив чернильный прибор. На подставке полированного дерева расположились стеклянная чернильница с металлической крышкой, простое пресс-папье с гладким округлым набалдашником и перо с держателем, уже не новое, притёртое к руке.

Он сел неловко, чуть ссутулившись, как человек, привыкший скорее к конторке и деловым бумагам, писанным наспех и стоя, нежели к ночному написанию писем, решающих чью-то судьбу. Павел взял лист бумаги из стопки на краю стола. Бумага была хорошая, но не дорогая и слегка желтоватая.

Обмакнул перо, стряхнул лишнюю каплю о край чернильницы и некоторое время сидел неподвижно. Потом вздохнул и написал:

Здравствуй, Поля...

После этого рука замерла. Он хотел было продолжить чем-нибудь значительным, книжным, как пишут в романах, и вывел:

Долгое время я не находил в себе решимости...

Тут же поморщился, провёл неровную черту, перечеркнув написанное. Чернила размазались. Нет. Не так. Ниже он начал снова, проще, без прикрас:

Долго не решался тебе писать...

И чуть помедлив, дописал:

Слова не даются, а в груди тяжело...

Он промокнул строчки пресс-папье и некоторое время смотрел в сторону, туда, где в полумраке угадывалась кровать. Дальше пошло легче:

Ты для меня всегда будешь той, ради кого я полез бы хоть в самый ад...

Он хотел добавить что-то ещё, значительное и красивое, но остановился и оставил как есть:

Помню, как мы тебя тогда выручали, как я шёл туда, не думая о себе...

На этом месте рука дрогнула. С пера сорвалась капля и расплылась тёмной кляксой. Павел тихо выругался, промокнул лист пресс-папье, но пятно осталось. Он посмотрел на него и дописал решительно:

Я готов был остаться в Сером мире, лишь бы ты спаслась...

Дальше писать было легче:

С тобой всегда было легко и понятно. Ты добрая, душа у тебя чистая...

Он хотел написать — светлая, настоящая — но передумал. Самое трудное началось дальше:

А теперь... сам не пойму, что со мной... Я встретил женщину...

После этого слова пошли неровно. Он написал:

Рядом с ней я...

Зачеркнул, резко, почти зло, царапнув бумагу. Начал снова:

Она совсем не такая, как ты. Рядом с ней я другой...

Хотел написать — лучше — но остановился, нахмурился и дописал:

Не лучше, а чужой самому себе...

Эта фраза далась тяжело. Он перечитал её дважды и не стал трогать. Дальше стало совсем тяжело, но он как-то справлялся пока не написал:

Не могу отойти от того, как она ко мне прикасается...

Павел на мгновение закрыл глаза, словно защищаясь от воспоминаний, и торопливо дописал:

Она такая искусная... у меня руки дрожат...

Он остановился, долго сидел неподвижно, поставив пресс-папье на строки, боясь перечитать написанное. Окончание сочинял медленно, словно уставший после долгой дороги. Последнюю мысль начал так:

Я думал, что всегда буду рядом с тобой...

И после раздумий дописал с нажимом:

Я не смог.

Он переписал всё начисто, поставил точку, аккуратно сложил лист, вложил в конверт и оставил его не запечатанным на краю стола. Лампу он так и не погасил.

Именно таким и нашла письмо Ада на следующий день, около полудня. Как и прежде, она вошла без стука. Швейцару было велено пропускать её беспрепятственно и в любое время. Забытая Павлом ночная лампа отразилась мягким блеском в её серьгах, длинных перламутровых подвесках, мерно покачивающихся при каждом шаге. Шёлковое платье цвета шампанского тихо шелестело, словно крылья прекрасной бабочки, случайно залетевшей в комнату.

— Как же так? Ты ещё спишь? — с искренним удивлением произнесла Ада, наклоняясь и ласково касаясь его плеча.

Павел вздрогнул. Он уснул лишь под самое утро. Смущённый, застигнутый врасплох, он вскочил с постели, поспешно накинул халат, стыдясь своей утренней неопрятности, и, не сказав ни слова, торопливо удалился.

Аделаида, привыкшая к интригам, окинула спальню цепким, внимательным взглядом. Её взор задержался на непогашенной лампе, потом она заметила беспорядок на столе и наконец

увидела конверт. Она раскрыла его, быстро и жадно пробежала глазами строчки. Бумага тихо шуршала в её руках, а взгляд скользил всё ниже и ниже.

Здравствуй Поля!

Долго не решался тебе писать. Слова не даются, а в груди тяжело.

Ты для меня всегда будешь той, ради кого я полез бы хоть в самый ад. Помню, как мы тебя тогда выручали, как я шёл туда, не думая о себе. Я готов был остаться в Сером мире, лишь бы ты спаслась. Тогда я понял, что ради тебя готов на всё.

С тобой всегда было легко и понятно. Ты добрая, душа у тебя чистая.

А теперь... сам не пойму, что со мной. Я встретил женщину. Она совсем не такая, как ты. Рядом с ней я другой. Не лучше, а чужой самому себе. Красивая, как картинка в журнале. И когда она рядом... я забываю обо всём.

Поля, мне стыдно. Не могу отойти от того, как она ко мне прикасается. Она такая искусная... у меня руки дрожат. Я и не думал, что женщины бывают такими. Рядом с ней я будто в огне. И мне нет спасения.

Только душа у неё закрыта. За шелками и духами пусто и ничего не видно. Писать такое тебе больно. С тобой мне никогда не было страшно. Ты настоящая. А она как сон и морок, от которого не уйти.

Я думал, что всегда буду рядом с тобой. Но теперь чувствую себя обманщиком. Ты достойна того, чтобы рядом был верный человек, который не предаст. Прости меня. Я не смог.

Павел.

И чем дальше она читала, тем сильнее сжимались её губы, утрачивая привычную мягкость. Ада опустилась на кресло, внезапно ослабев и опасаясь, что ноги не удержат её. Зрачки расширились, дыхание сбилось, а сердце под изысканным шёлком болезненно сжалось.

Поля... У него есть другая... с чистой душой. А она... лишь картинка, вещь для постели...

Откинувшись на спинку кресла, Ада уставилась в потолок. Перед внутренним взором, сменяя друг друга, вспыхивали образы. Разгульные вечера в душных винных погребах. Безудержное кокетство на грани приличий. Тайные опиумные курильни, где часы тонули в сладком забытии. Разнузданные ночи с любовниками. Потом вспомнилась Матильда. Та нежная девочка, сломанная ею из одной лишь скуки, ради доказательства собственной власти. И это получилось... страшно легко.

«Ну и что ж...» — подумала Ада, с усилием подавляя слёзы, горькие, как дешёвый коньяк. — «Путь в рай для меня всё равно закрыт. Я сама выбрала себе имя. Именно там моё место».

Она медленно сложила письмо, поднесла к лицу и вдохнула его запах — аромат бумаги, чернил и едва уловимый след одеколона. На одно краткое мгновение ей захотелось спрятать его за корсаж, хранить, как тайное сокровище, и целовать в минуты тоски и одиночества. Но письмо было не к ней. Оно предназначалось сопернице.

То, что Ада принимала за интрижку, которую закрутила в угоду существу, что держало её жизнь в своей власти, незаметно переросло в глубокое чувство. И шпионить с каждым днём становилось всё мучительнее. Она ненавидела холодную, беспощадную Екатерину. Но подчинялась. Письмо заберёт позже, через швейцара. Ада знала, что тот любит звонкую монету и не устоит перед мелкой услугой...

Сквозь окна проникал свет весеннего утра. Михаил сидел в своей конторе, за широким письменным столом из дуба. Перед ним расположились аккуратные стопки документов, чер-

нильный прибор, счёты и бокал с остывшим чаем. Он пересчитывал проект по новому доходному дому, лениво вертя в пальцах золотое перо. Всё было в порядке, но мысли не задерживались на цифрах.

В дверь тихо постучали, и швейцар подал ему сложенный листок, чуть пахнувший знакомыми духами. Михаил раскрыл записку.

«Мишель... Я больше так не могу. Приди. Ради бога, умоляю! Я одна. Ты знаешь, каково это...»

Он скомкал листок, чувствуя не жалость, а раздражение. Вера. Нет, хватит. Он откинулся в кресле, взмахнул рукой, и бумажный комочек полетел в корзину.

«Слишком много было сцен и капризов, — подумал Михаил. — Она сильнее, чем хочет казаться. Пусть сама справляется».

Он снова углубился в бумаги. Сумерки опустились на город, когда дверь скрипнула вновь. На этот раз швейцар принёс конверт. Всё тот же изящный женский почерк. Имя отправителя чуть смазано, словно от капнувшей слезинки.

— Сказали срочно, — пробасил швейцар.

Михаил развернул письмо:

«Мишель... я прошу у тебя прощения. За слова, за сцены... за то, что не умела быть тише. Я... мне худо. Я при смерти, Мишель. Мне страшно. Прости меня. Если можешь — приди. Иначе я уйду, а ты так и не узнаешь, что я могла быть другой...»

Лист дрогнул в его руках. Спустя четверть часа он уже входил во флигель, где жила Вера.

Она была в спальне, лежала на постели. Лампа с бежевым абажуром на прикроватной тумбочке едва освещала комнату. Занавески из тяжёлого зелёного бархата были задёрнуты. Пахло успокоительными каплями и ладаном. В комнате царил лёгкий хаос.

Вера выглядела иначе, чем обычно. Её каштановые волосы разметались по подушке. Но это был умышленный беспорядок. И если бы Михаил разбирался в сценическом гриме, он несомненно заметил бы подвох. Синие тени под глазами, имитирующие круги. Тёмные румяна под скулами, изображающие впалость щёк. На губах — едва заметная помада, уже смытая, но всё равно придающая тёплый оттенок.

Муслиновая ночная сорочка обнажала тонкие ключицы. Актриса производила впечатление потерянной и незащищённой.

— Ты пришёл... — хрипло прошептала она, и сердце Михаила сжалось. Её глаза влажно блестели.

— Вера... — он присел на кровать подле неё. — Где горничная? Нужно пригласить врача. Она схватила его руку своей, горячей, чуть влажной.

— Не надо... — умоляюще прошептала Вера. — Не хочу... никого... кроме тебя...

— Не глупи, — Михаил хотел встать, но она удержала его.

— Останься... — попросила она и голос её дрогнул. — Мишель... если ты уйдёшь, я не доживу до утра...

И он остался. Позвонил в клуб, ему принесли ужин и бульон для Веры. Он поил её то чаем, то бульоном, сидя рядом на кровати. Поправлял подушки, делал холодные компрессы на лоб. Она то откидывалась на подушки, прикрыв глаза, то приподнималась и искала его взгляд, словно боялась, что он исчезнет.

— Ты... не представляешь... как мне страшно, — шептала она, дрожа. — А я вспоминаю... как ты... тогда...

Её пальцы легко касались его, скользя и глядя, будто случайно. Михаил вздрагивал и отводил её руки. Вера прикусила нижнюю губу. Это всегда сводило его с ума. Потом приподнялась с подушек, словно желая сесть в кровати и Михаил наклонился к ней совсем близко, чтобы помочь. Вера обвила его руками и прижалась грудью.

— Я... помню, — её губы прильнули к его уху и зашептали что-то пикантно-милое, как в то время, когда они засыпали вместе каждую ночь.

Он ответил на объятие и его губы нашли её рот. И Михаил больше не стал сдерживаться. Вера сняла с него жилет, ловко расстегнув пуговицы, и вновь прильнула к нему. Следующей стала рубашка, потом брюки. Поцелуи становились всё горячее, а ласки чувственнее. Михаил помог ей стянуть ночную рубашку — ткань мягко зашуршала, обнажив плечо и округлость груди. Его длинные пальцы принялись настойчиво ласкать гладкую кожу.

Треснула ткань сорочки. Это Михаил, пытаясь освободить грудь и плечи полностью, чересчур увлёкся. Он посмотрел на Веру и она кивнула. Тогда он разорвал рубашку сперва до пояса, а потом и до самого низа. Теперь между ними не осталось преград.

Михаил двигался мягко и неторопливо. И Вера, опытная соблазнительница, хорошо знавшая своего любовника, умело вторила ему. Она знала как быстро довести его до исступления, но не спешила. Ведь постель — единственное место, что соединяет их. Михаил забыл про дела и Матильду. А Вера на время выкинула из головы обиду и обязательства перед Екатериной. Почему бы не совместить приятное с полезным?

Был только сладкий запах её волос, его страстные стоны, тихое поскрипывание кровати и дразнящий мускусный аромат его тела. Они любили друг друга долго, то неспеша, то стремительно, и каждый её шёпот, каждый изгиб тела пробуждал в нём то, что он хотел бы забыть.

Вера уснула, а он не смог заснуть. Михаил смотрел на неё и чувствовал всё сразу — жалость, вину, странную нежность и смутный страх. Он понимал, что снова попался.

Ада, Вера и Екатерина встретились вечером в малой гостиной отеля «Европа». Екатерина, роскошная и безупречная как всегда, была в сером и жемчугах.

Бледная, со следами усталости на лице, Ада пришла первой и молча протянула ей конверт.

— Он написал это другой, — сказала она ровно, скрывая дрожь в голосе.

Екатерина раскрыла письмо, пробежала глазами строки, затем медленно сложила его и спрятала в сумочку.

— Славно, — произнесла она, как будто речь шла о погоде. — Это может пригодиться.

— Я сделала, как хотели ты и Господин. Павел теперь мой. Но знаешь... — она замолчала и, отвернувшись к окну, тихо сказала: — Как же больно читать, что душой он с другою.

— Боль пройдёт, — ответила Екатерина, не поднимая взгляда. — А сантименты тебе не к лицу.

В дверь легко постучали и вошла Вера. Румяная, с сияющими глазами, в элегантном зелёном платье с пышными рукавами. На шее блестел кулон — крупная капля горного хрусталя в серебряной оправе. Она остановилась у зеркала и кокетливо поправила локон.

— Ну? — подняла бровь Екатерина.

— Всё получилось, — довольно улыбнулась Вера. — Он пришёл. Сначала хотел врача..., но я сыграла так, что он сам не заметил, как остался. Бедный Мишель... такой благородный, такой глупый...

— Надеюсь, тебя-то совесть не мучает? — спросила Екатерина с холодной улыбкой.

— Вот ещё! — фыркнула актриса.

— Хорошо, — Екатерина одобрительно кивнула. — Господин будет доволен.

Вера, оживлённая успехом, кружила по комнате, рассказывая о том, как Михаил держал её за руку, как поправлял подушки, как в конце концов не смог устоять.

— Он смотрел на меня, как раньше, — хихикала она. — А потом... ах, Ада, ты бы видела его глаза!

Екатерина достала из стоящего на кресле саквояжа две внушительные пачки ассигнаций и вручила их девушкам:

— Прекрасно. Я же говорила, что плоть победит душу. А теперь оставьте меня одну.

Глава 7. Метаморфозы Кати

— Коли мальчишечку-то найти опосля надумаете, так у его на правой лопатке родинка полумесяцем.

Эту фразу Екатерина пыталась забыть все годы, но безуспешно...

Осень 1891 года. Беглянка разрешилась от бремени в комнате постоянного двора, немного не доехав до монастыря, в котором хотела оставить нежеланного ребёнка.

Крик младенца, громкий басовитый, и слова повитухи «Парень у тебя родился. Богатырь!» Катя слышала словно сквозь пелену. Исчезла ужасная, разрывающая внутренности, боль. И она, страшно вымотанная, грязная, окровавленная, ощутила восхитительный покой.

— Не передумала, девка? — подступила к ней повитуха. — Может от страха напридумывала себе, а сейчас одумалась? Грех ведь какой...

— Нет, — тихо, но твёрдо сказала Катя и подумала «Материнская доля не для меня. Я не могу, не хочу... Это его сын. Я не должна его любить...»

— Ну смотри, — вздохнула повитуха. — Всё как договаривались — кормилица ждёт, деньги за год ей уплачены. Женщина верная, набожная, не обманет. А потом в монастырский приют...

— Да, — бесцветным голосом сказала Катя. — Возьмите там, на столе, за хлопоты...

— Благодарствую, барышня, — довольно сказала повитуха, пересчитав ассигнации. — Ну так, пошла я значит? Не сумлевайтесь, всё путём будет.

Закрывая дверь, деревенская акушерка, бросила ту самую фразу, которая тяжким камнем легла на душу и навсегда изменила Катю. В Сосновоборск она приехала уже совершенно другой.

И когда хозяйка борделя сказала, что лучше придумать себе прозвище, девушка вспомнила событие, с которого начались её несчастья и всё покатилося как снежный ком.

Отец, владевший рудниками и заводами, растил Екатерину как наследницу: лучшие учителя, дорогие наряды, путешествия за границу. Он внушал ей, что незаконнорождённость обязывает быть сильной и безжалостной и сулил блестящее будущее — управление делами и вхождение в высшее общество новой буржуазии.

Но когда Кате исполнилось пятнадцать, мир рухнул. Отец внезапно умер, оставив всё состояние супруге и дочери Анхель, рождённой в законном браке. Девушка оказалась никем и ни с чем, даже родное имение у неё отняли. На прощанье жена-немка, похожая на свинью, сунула ей сторублёвую ассигнацию — «катеринку», не скрывая издёвки, что это всё, чего стоит Екатерина.

А потом была роковая встреча с Бирюком...

Что ж, решила она, вполне подходящее имя, для того чтобы продавать себя как можно дороже и поскорее выбраться из ямы. Девушка быстро поняла правила новой жизни. Никому не доверяй. Ничего не бойся. Никогда не проси. Полная противоположность церковной морали. Будь одиночкой и без страха бери то, что тебе нужно.

Катеринка стала самой дорогой шлюхой. Статная и высокая девушка с красивым породистым лицом словно сошла с картины «Незнакомка» Крамского. Высокую грудь и тонкую талию дополнительно подчеркивала любимыми корсетами, а не нуждавшиеся в фижмах аппетитные бёдра наряжала в пышные юбки в обожаемый красный цвет. Густо пудрила лицо, подчёркивая обладание аристократической бледной кожей. А для ненавистных гостей сильно румянилась и ярко подводила глаза, словно надевая маску. Незачем всякой швали видеть её подлинное лицо.

Благодаря интригам Катеринка заняла место хозяйки борделя, когда та внезапно скончалась. Она придумала себе внешних врагов, чтобы не сгореть от разъедающей её изнутри нена-

висти. Зло во имя зла стало движущей силой. Именно такие люди становятся оружием против света в руках тьмы. Катеринка попала к Недоброму через ведьму, давшую ей оберег.

Лето 1896 года.

— Пусть льётся кровь! — закричала Катеринка и бросилась на Лизу.

Та инстинктивно выставила перед собой обе руки, в одной из которых сжимала кинжал. Катеринка с размаха налетела на клинок. Захрипела, задержалась в агонии и упала, заливая всё вокруг горячей тёмной кровью...

Катеринка проснулась от невыносимой боли и собственного крика, схватилась за живот и с облегчением поняла, что никакой раны нет. Она лежала голая, укрытая одеялом, на чём то мягком, шуршащем и колком. Взгляд упирался в потемневший бревенчатый потолок. Почему-то пахло сиренью. И сеном. В приятном травяном аромате особо выделялся запах полыни, горьковатый и терпкий.

« — Я в разбойничьей избе, — подумала она. — И мне снился сон, что меня убила Анхель. Или Лиза. Чёрт их разберёт, этих девок. Они похожи».

Внезапно у неё возникло ощущение, что кто-то за ней внимательно наблюдает. Ощущение было очень неприятным, словно кто-то трогал её ледяными пальцами. Катеринка поёжилась, повернулась на бок и попыталась разглядеть, кто тут такой любопытный. Тусклый свет от керосиновой лампы слабо освещал низкую комнату. Потемневшие бревенчатые стены, связки трав под потолком, большой стол посреди комнаты, печка, старый ковёр с восточным узором, висевший на противоположной стене. Нет, это не разбойничья изба. Где же она?

Она снова пошевелилась, пытаясь встать, но не смогла. В животе, там куда ударил нож из сна, возникла тупая ноющая боль. Катеринка вновь схватилась за живот. Пусто. Ни раны, ни даже следа от неё. Почему же так больно-то?

— Очнулась касатка, — произнёс знакомый хриплый голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.